

По дороге на Мальту Влад и Нателла остановились в Риме. Влад давно мечтал побывать в Вечном городе, но всё как-то не складывалось. Нателла там уже была и решила для себя: Санкт-Петербург достоин, чтобы родиться в нём и прожить всю жизнь, а Рим — чтобы провести в нём четыре дня.

Нателла, на правах более опытной путешественницы (в своей первой поездке в Риме была полных два дня) дала совет: в Ватикан надо идти ранним утром — там очень большие очереди.

Отель, в котором они остановились, находился недалеко от железнодорожного вокзала Термини. Решили ехать на метро, а затем — пешком до Ватикана. В сторону площади Святого Петра шло много людей с пальмовыми и оливковыми ветками. Нателла спросила одного из идущих:

— Что за праздник?

— Сегодня Пальмовое воскресенье. Папа будет служить мессу и обратится к собравшимся со ступеней Собора Святого Петра.

Влад не захотел слушать мессу: «У нас своих пап и мам много. Идём в музей. Там есть станцы Рафаэля. Я мечтаю увидеть «Афинскую школу».

Как прошли границу этого самого маленького государства в мире, даже не заметили, лишь потом, в Питере, узнали, что граница обозначена белой пунктирной линией на асфальте.

Увидев в зале Сикстинской капеллы роспись плафона, Нателла с любопытством стала рассматривать фрески, а Влад торопил её: «Потом посмотрим, идём искать «Афинскую школу». Он много лет увлекался трудами знаменитых философов, и ему нетерпелось «вживую» увидеть эту знаменитую картину, где изображены великие люди тех далёких времён.

Войдя в относительно небольшое помещение, они увидели знаменитую фреску Рафаэля Санти. Влад, восхищенно глядя на картину, воскликнул:

— Это чудо будет висеть в моей квартире!

— У тебя в комнате свободного места не хватит, — с усмешкой сказала Нателла.

— А я на кухне повешу, во всю стену.

— Ну-ну. На кухне ей самое место. Что ты знаешь об этой картине? Что тут делает толпа мужиков в халатах, похоже, что они в баню пришли?

— В основном это философы и мыслители разных стран, разных эпох. Многие из них никогда не были в Афинах. Сожалею, что среди них нет Лао-Цзы и Конфуция. Тут есть и две женщины.

— А для чего художник изобразил их всех вместе, если они никогда не встречались в жизни?

— Неизвестно, что этим хотел сказать автор, ведь он не оставил объяснений в двадцати томах, как это сделал Малевич к своему «Чёрному квадрату». Возможно, Рафаэль хотел, тем самым, показать единство всех направлений философии, формирующих наше мировоззрение.

— А кто эти два почтенных господина в центре картины?

— Слева от нас, человек очень похожий на Леонардо да Винчи, Платон. Указательный палец его правой руки направлен в небо, на мир идей. Идеи — источник всего. Сама же материя ничего не может породить. Мир идей существует вне времени и пространства. Они обладают качествами постоянства, единства и чистоты, а вещи — изменчивостью, множественностью и искажённостью. Человек стремится улучшить и усовершенствовать своё бытие. Когда душа реализует эту естественную склонность, результат её правильной деятельности называется добродетелью. А когда тело работает в согласии с природой — такое состояние называется здоровьем. Этот естественный закон лежит в основании всей этики Платона.

— Ты сам-то понял, что сказал? А можешь мне по-простому, в двух словах, объяснить, для чего людям платоновский мир идей, как ты его понимаешь?

— Попробую, хотя в двух словах это трудно сделать. Человек — посредник между миром идей и материальным миром. Я, если быть честным, когда читал — что-то запомнил, а понять до конца так и не смог.

— А справа от Платона кто стоит с толстой книжкой?

— Это Аристотель. Он в восемнадцать лет пришёл учиться в академию Платона. В дальнейшем дал толчок развитию наук: социологии, философии, политики, логики, физики, воспитывал и обучал Александра Македонского.

— А кто был учителем Платона?

— Сократ. Здесь он изображён в зелёной одежде, беседующим с Александром Македонским.

— Это тот самый философ, который выпил яд?

— Да. Афиняне обвинили Сократа в непризнании богов и развращении молодёжи. Философ отказался от защитника и помощи друзей, предлагавших ему побег, предпочёл казнь, приняв яд. Сократу принадлежат фразы, которые и сегодня в обиходе у народа. Одна из них: «Я знаю только то, что ничего не знаю, но другие не знают и этого».

— А это кто, в голубом халате, разлёгся на ступенях, словно в парилке?

— Диоген.

— Тот самый, что жил в бочке?

— Диоген провозглашал идеал аскетизма. Смысл аскетизма он видел в том, что подлинное счастье заключается в свободе и независимости. Александра Македонского Диоген попросил лишь о том, чтобы тот не загораживал ему солнце. А вот этого товарища с книгой, в окружении учеников, ты, наверняка, знаешь.

— Откуда мне знать. Сразу видно, что тоже любитель попариться — сидит в белой простыне.

— Не ёрничай по поводу бани. Это Пифагор.

— А я знаю про Пифагора то, чего ты не знаешь. Кроме того, что он был знаменитым философом, стал и олимпийским чемпионом по боксу.

— Да нет же! Чемпионом был его тёзка за восемнадцать лет до рождения Пифагора.

— А это кто такой мрачный тип, похожий на культуриста? Пишет, вероятно, жалобу на то, что в баню горячей воды не дали. Единственный, кстати, кто пришёл в сапогах.

— Никакая это не баня! Бани не бывают под открытым небом. А мрачный тип, как ты его назвала, это Микеланджело. Несколько минут назад ты видела роспись потолка Сикстинской капеллы — это его работа.

— Главными персонажами в этой картине я считаю Платона и Аристотеля. Ты со мной согласен?

— Ты права. Эти два философа находятся в центре картины. Но, посмотри сюда, на лицо человека, который стоит самым крайним справа. Рядом с ним Птолемей, держащий в руке модель земного шара и Зороастр с небесным глобусом. Узнаёшь его? Это сам Рафаэль. Он, как режиссёр в театре, смотрит на зрителей из-за кулис оценивающе, на нас с тобой. Его взгляд словно говорит: «Тысяча лет прошло. Перед картиной стоят два человека с высшим образованием, а что они знают об учениях мыслителей? Человечество развивается эволюционно. Но за эти годы далеко ли ушла философская мысль?»

— А это кто стоит справа? Что-то прячет в недрах халата. Видимо, веник. По лицу видно, что любит баньку.

— Плотин. Он систематизировал учение Платона.

Влад вновь задумчиво посмотрел на Рафаэля и будто услышал его голос: «Ты осуждаешь свою подругу за то, что она слишком поверхностно рассматривает картину и иронизирует над твоим чувственным восприятием моего творчества. Ты сейчас понял, что видел в ней только внешнее. И только через картину осознал, что в ней нет никакого духовного содержания. Пустота». Влад подумал, что если он сейчас скажет Нателле: «Я подарю тебе Звезду!», скорее всего, она ответит примерно так: «Тебе на кухне надо обои переклеить, совсем уже отваливаются». Влад мысленно сможет возразить ей: «А у меня на кухне вместо обоев будет эта картина. И не какая-нибудь глянцевая репродукция, а настоящая картина, на холсте, во всю стену. Я ещё не знаю, как это реализовать, но уверен, на моей кухонной стене будет эта картина! Я буду беседовать с философами. И, может быть, именно я, стану посредником между миром идей и материальным воплощением!»

— Что ты кощунствуешь над великим произведением! Какая может быть баня, если ты видишь, что тут присутствуют женщины?! — возмутился Влад.

— А у нас в Питере есть такие бани, где вместе моются мужчины и женщины.

— А ты откуда знаешь?

— Да я сама...

— Что сама?! Была в такой бане?!

— Нет. Я сама слышала о ней от своих подруг.

— Врут они тебе!

— Не врут. Они там были.

— Значит, и ты была с ними!

— Не была.

— Я тебе не верю. Не позволю себя обманывать. Не еду ни на какую Мальту, сегодня же лечу домой, в Питер. Всё! Попарились! Хватит!

Влад летел в самолёте домой, Нателла осталась в Риме. Он по-прежнему не мог успокоиться. «Зря вспылел, — рассуждал он. — Так, как Нателла, живёт большинство людей. Об этом ещё и Платон говорил. Люди, по его мнению, как бы находятся в пещере. С малых лет у них на ногах и на шее оковы, так что им не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами. Люди обращены спиной к свету, и поэтому могут рассмотреть лишь свою собственную тень. А если человека заставить смотреть на свет, разве не заболят у него глаза? Когда бы он вышел из пещеры, глаза его от временного ослепления не смогли бы рассмотреть ни одного предмета. Начинать надо с самого лёгкого. Сначала смотреть на тени, затем — на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом — на сами вещи. И начинать надо с созерцания ночью луны и звёзд, и только потом, со временем, обратить взгляд на солнце».

Эти платоновские рассуждения, как показалось Владу, весьма подходят к ситуации, произошедшей между ними возле картины. Только сейчас, в самолёте, Влад понял, что Нателлу нельзя осуждать за то, что она, говоря платоновским языком, резко посмотрела на солнце и ничего не увидела, мало что поняла. Ей требуется время и усилия, чтобы прозреть. Но нужно ли ей самой это прозрение?